

Судебная деятельность Посольского приказа (на материалах второй половины XVII в.)

Андрей Гуськов

**Judicial activity of the *Posolsky Prikaz*
(on the materials of the second half of the 17th century)**

Andrey Guskov

(Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow)

DOI: 10.31857/S086956870001531-2

Одной из ключевых особенностей приказной системы Московского государства XVI – начала XVIII в. являлась пластичность и гибкость при решении возникавших проблем, сочетавшаяся с достаточно развитой правовой системой прецедентного типа. В то же время можно говорить о высоком уровне консервативности и традиционализма в работе всех уровней управления (центрального, местного, церковного), во многом обусловленного как институтами средневекового общества и менталитетом человека эпохи, так и эволюционным путём развития государственной системы. Многогранность приказной системы находила отражение в широкой гамме компетенции ведомств, занимавшихся не только прямыми функциями, но и ведавших определёнными территориями и категориями людей, осуществлявших сбор денежных средств и выполнявших судебно-следственные процедуры.

Одной из важнейших прерогатив большинства приказов являлась судебная деятельность. Помимо собственно судебных и судебно-розыскных¹ приказов в функции ряда учреждений входило право суда над подведомственными категориями населения. В частности, в Монастырском приказе судили духовенство, в Казанском дворце – население Среднего и Нижнего Поволжья, в Пушкарском – представителей «пушкарского чина», поэтому глав учреждений XVI–XVII вв. нередко именовали судьями. Именно судебной сфере деятельности одного из приказов посвящена эта статья.

Несмотря на обилие исследований по истории правовой системы Московского государства, судебная практика приказов редко оказывалась в поле зрения учёных. В основе работ исследователей XIX в. лежали исключительно законодательные источники и опубликованные судебно-следственные дела². Крупнейшему специалисту по истории законодательства Московской Руси А.Г. Манькову тоже не удалось серьёзно расширить источниковую базу для

© 2018 г. А.Г. Гуськов

¹ Судные Владимирский, Московский, Дмитровский, Рязанский и Дворцовый приказы, Разбойный, Стрелецкий и некоторые Сыскных дел.

² *Владимирский-Буданов М.Ф.* Обзор истории русского права. М., 2005; *Дмитриев Ф.М.* Сочинения. Т. 1. История судебных инстанций и гражданского апелляционного судопроизводства от Судебника до Учреждения о губерниях. М., 1899; *Кавелин К.Д.* Собрание сочинений. Т. 4. Этнография и правоведение. СПб., 1900; *Латкин В.Н.* Лекции по внешней истории русского права. СПб., 1890; *Сергеевич В.И.* Лекции и исследования по древней истории русского права. СПб., 1903.

исследования данного вопроса³. Аналогичная ситуация сохраняется и в работах современных авторов⁴.

В исследованиях о приказных учреждениях интересы учёных сосредоточены на «внешней» истории управленческих структур: создании и функционировании приказов, сфере их деятельности, вкладе в систему государственного управления⁵. Подвергались анализу штаты основных и вспомогательных сотрудников, а многие руководители ведомств удостоивались отдельных биографий⁶. «Внутренняя» деятельность (делопроизводственная практика, финансовое документоведение, ведение архива) приказных служащих стала предметом внимания историков относительно недавно⁷.

Несмотря на огромное число работ, «непрямые» функции приказов (в том числе и непосредственная практика судебной деятельности) лишь изредка являлись предметом специального анализа⁸. Судебные дела использовались многими историками и юристами, но в основном в утилитарных целях⁹. Исключо-

³ Маньков А.Г. Уложение 1649 года – кодекс феодального права России. Л., 1980; Маньков А.Г. Законодательство и право России второй половины XVII в. СПб., 1998.

⁴ Безус Н.Б. Из истории становления процессуального права России (на примере Новгорода XVI–XVII вв.) // История государства и права. 2010. № 5. С. 34–37; Зезюлина Т.А. Организационно-правовые основы становления и функционирования института судебных приставов в России (1864–1917 гг.). Дис. ... канд. юрид. наук. Владимир, 2006.

⁵ Государственность России. Словарь-справочник в 6 книгах. Кн. 1–4. М., 1996–2001; Ерошкин Н.П. История государственных учреждений дореволюционной России. М., 1997; Зимин А.А. О складывании приказной системы на Руси // Доклады и сообщения института истории Академии наук. Вып. 3. М., 1954. С. 164–176; Леонтьев А.К. Образование приказной системы управления в Русском государстве: Из истории создания централизованного государственного аппарата в конце XV – первой половине XVI века. М., 1961; Лисейцев Д.В., Рогожин Н.М., Эскин Ю.М. Приказы Московского государства XVI–XVII вв.: Словарь-справочник. М.; СПб., 2015; Петров К.В. Приказная система управления в России в конце XV–XVII вв. Формирование, эволюция, и нормативно-правовое обеспечение деятельности. СПб., 2005.

⁶ Богоявленский С.К. Московский приказный аппарат и делопроизводство XVI–XVII веков. М., 2006; Веселовский С.Б. Дьяки и подьячие XV–XVII вв. М., 1975; Демидова Н.Ф. Служилая бюрократия в России XVII века (1625–1700). Биографический справочник. М., 2011; «Око всей великой России». Об истории русской дипломатической службы XVI–XVII веков. М., 1989; Граля И. Иван Михайлов Висковатый: Карьера государственного деятеля в России XVI в. М., 1994; Беляков А.В. Служащие Посольского приказа 1645–1682 гг. СПб., 2017.

⁷ Рогожин Н.М. Посольские книги России конца XV – начала XVII вв. М., 1994; Гальцов В.И. Приказный архив XVII века (К вопросу о типологии архивов Российского централизованного государства) // Архивы СССР. История и современность. Межвузовский сборник научных трудов. М., 1989. С. 30–40; Новохатко О.В. Записные книги Московского стола Разрядного приказа XVII века. М., 2001; Лисейцев Д.В. Приёмы делопроизводственной работы служащих Посольского приказа начала XVII века // Исследования по источниковедению истории России (до 1917 г.). Сборник статей. М., 2003. С. 24–51; Шамин С.М. Куранты XVII столетия: Европейская пресса в России и возникновение русской периодической печати. М.; СПб., 2011; Куненков Б.А. Посольский приказ в 1613–1645 гг.: структура, служащие, делопроизводство. Дис. ... канд. ист. наук. Брянск, 2007; Устинова И.А. Книги патриарших приказов первой половины XVII века как исторический источник. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2007; Воробьёв А.В. Делопроизводство Разбойного приказа как исторический источник по истории государственного управления в России XVI – первой половине XVII в. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2012.

⁸ В основном в работах о приказах, для которых судебно-следственная деятельность являлась основным функционалом (Князьков С.Е. Судные приказы в конце XVI – 1-й половине XVII в. // Исторические записки. Т. 115. М., 1987. С. 268–285); Князьков С.Е. Судебно-следственные дела конца XVI–начала XVII века. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Москва, 1989; Воробьёв А.В. Делопроизводство Разбойного приказа... С.м. также: Новохатко О.В. Разряд в 185 году. М., 2007.

⁹ Дёмкин А.В. Западноевропейское купечество в России в XVII в.: Вып. 1–2. М., 1994; Захаров В.Н. Западноевропейские купцы в России. Эпоха Петра I. М., 1996; Поздеева И.В., Дадькин А.В., Пушков В.П. Московский печатный двор – факт и фактор русской культуры. 1652–1700 годы: исследования и публикации. Кн. 2. М., 2011.

чением стали труды С.Е. Князькова и Л.А. Тимошиной¹⁰, которые не только подвергли источниковедческому анализу данный вид документации, но и показали возможности системного подхода к его практическому использованию в научной работе.

Отсутствием разбора «непрямого» функционала «грешит» и историография Посольского приказа¹¹. По мнению Л.А. Тимошиной, увлечённость «внешнеполитическими задачами» обусловлена не столько отсутствием «интереса к другим... сферам деятельности этого учреждения, сколько современной системой хранения документов», результатом которой стало отсутствие единого упорядоченного комплекса делопроизводства приказа¹². После многочисленных архивных «реформ» и «разборов» архив Посольского приказа оказался раскассирован по нескольким десяткам «фондов» и «фондов-коллекций», среди которых не нашлось места для судебного делопроизводства.

В рамках анализа судебной деятельности Посольского приказа на материалах второй половины XVII в. необходимо отметить значительность источниковой базы по данному периоду. Однако специфика фондообразования РГАДА не позволяет надеяться на возможность полноценного охвата всех судебно-следственных дел, которые велись в Посольском приказе. Сформировать достаточно репрезентативную картину судопроизводства помогают описи и книги «вершенным и невершенным делам», «судным делам», «челобитческим делам»¹³, позволяющие охарактеризовать состав и примерный объём правовой деятельности ведомства. Среди них наибольший интерес представляет «Переписная книга судебных дел, оставшихся после умершего в 1695 г. подьячего Посольского приказа Никифора Венюкова»¹⁴.

На настоящий момент удалось собрать информацию по 229 судебно-следственным событиям конца 1640-х – середины 1690-х гг. (по дате начала иска), включая 185 судных дел, 7 дел по приставным памятям, 9 очных ставок и 28 записей судебных приговоров-решений). Основная масса инициирования разбирательств приходится на 1660–1680-е гг. Суммируя информацию по всем 229 судебным «казусам», можно говорить о завершении дела в 59 случаях, в том числе в 55 официально зафиксировано окончание судебного делопроизводства («дело вершено», или ответчик «выдан взажив головою», или «в том иску истец с ответчиком помирились, и мировая челобитная у дела»). В 17 делах при наличии решения по основному вопросу отмечается либо отсутствие сведений об уплате пошлин, либо неполное погашение долга, или нехватка какого-то документа (например, мировой челобитной или записи о приёме денег). По 118 юридическим претензиям официальный итог на момент записи в книгу оставался неизвестен («Учинили ль розделку, того не ведомо»; «И по тому суд-

¹⁰ Князьков С.Е. Судебно-следственные дела...; Князьков С.Е. К определению границ понятия «судебно-следственное дело» (по материалам приказного делопроизводства) // Мир источниковедения (Сборник в честь Сигурда Оттовича Шмидта). М.; Пенза, 1994. С. 67–71; Тимошина Л.А. Судебное дело гостя И.Д. Панкратьева и крестьянина Тотемского уезда Д. Бредина 1687 г. // Очерки феодальной России. Вып. 9. М.; СПб., 2005. С. 157–269; Тимошина Л.А. Судебно-следственные дела XVII в. в источниковедении // Очерки феодальной России. Вып. 15. М.; СПб., 2012. С. 238–299; Тимошина Л.А. Столбцы и книги Посольского приказа: к вопросу о соотношении (на примере документов о визитах синаяских монахов в 1682–1683 и 1687–1689 годах) // Каптеревские чтения. Вып. 11. М., 2013. С. 124–161.

¹¹ Лисейцев Д.В. Посольский приказ в эпоху Смуты. М., 2003; Рогожин Н.М. Посольский приказ: колыбель российской дипломатии. М., 2003; Юзефович Л.А. «Как в посольских обычаях ведется...» (Русский посольский обычай конца XV – начала XVII вв.). М., 1988.

¹² Тимошина Л.А. Судебно-следственные дела XVII в. в источниковедении // Очерки феодальной России. Вып. 15. С. 242–243.

¹³ РГАДА, ф. 137, оп. 1 (Посольский приказ), д. 13; ф. 138, оп. 1, д. 9 (1649 г.); д. 1 (1657 г.); д. 9 (1658 г.); д. 8 (1670 г.).

¹⁴ Там же, ф. 137, оп. 1 (Посольский приказ), д. 13, л. 1–205.

ному делу мировых челобитен... у дела нет»; «И то судное дело по нынешней... год не вершено»). Информация по 26 делам оказалась неполной (отсутствует даже фиксация незавершённости). Любопытна ситуация с пятью делами, имеющими по два итога (в процессе судопроизводства возникло удвоение иска в связи с подачей новой претензии): по одному иску дело завершено, по второму — нет.

В ведении Посольского приказа находились все иностранцы (кроме поступавших на военную службу), московские торговые иноземцы, жители ряда слобод (Кадашевской, Мещанской, Огородной), служащие самого внешнеполитического учреждения, насельники подведомственных монастырей и ряд иных категорий поданных московского государя вместе с членами их семей¹⁵. В судебных делах представлены иски представителей всех стран, занимавшихся торговыми операциями в Московском государстве — англичан, голландцев, датчан, гамбургцев, шведов, греков, итальянцев, волошан, сербов, иранцев, черкас, индейцев. В исключительных случаях в судопроизводство принимались дела «неподведомственных» категорий при соответствующем указе вышестоящей инстанции (Боярской думы или государя). Такие казусы могли возникнуть при конфликте интересов судящихся сторон в приказах их юрисдикции¹⁶.

Анализируемые материалы сообщают о 138 лицах, выступавших в качестве истцов (девять коллективных исков), в том числе 88 иностранцев (35 голландцев, 18 греков, семь гамбургцев, пять московских иноземцев, четыре выходца из восточных стран, по три англичанина, шведа и датчанина)¹⁷ и 50 российских поданных (14 посадских жителей, 11 приказных служащих, семеро поверенных («человек») дворянства, пятеро купцов, трое стряпчих, двое крестьян). Наибольшую активность проявили голландские торговцы Вахромей Меллер (11 исков), Елисей Борисов сын Клюк (6), Адольф Гутман (4), московский торговый иноземец Иван Еремеев (7), стряпчий нидерландской компании Иван Якимов (5) и английский купец Ульян Паркер (4).

Среди 210 ответчиков преобладали российские жители (146 человек) — посадские люди (105), купцы (20), приказные служащие (11), крестьяне (4), стряпчие (2). Среди 64 ответчиков-иностранцев — греки (15), голландцы (10), московские торговые иноземцы (8), англичане и шведы (по 6), гамбургцы и представители стран Востока (по 4). Некоторые лица судились по двум—трём делам. Согласно исследованиям А.В. Дёмкина, в 1660—1690-х гг. в Московском государстве вели торговые операции 327 голландских купцов, 169 гамбургских, 57 английских, 43 любекских и 40 московских торговых иноземцев¹⁸. Как видно, информация по имеющимся категориям иностранных торговцев в целом соотносится друг с другом. Исключение составляют выходцы из бывших ганзейских городов — Любека и Гамбурга, недостаточная судебная «активность» которых может объясняться спецификой их деловой активности.

Обычно судебное-следственное дело (по гражданским искам в современной классификации) начиналось с подачи исковой челобитной. В ней (с приложением подтверждающих документов — «крепости», «кабалы», заёмного письма) излагалась суть исковой претензии. Если подтверждающих документов не оказывалось, то судопроизводство начиналось просто «по челобитной». Такие случаи были редки: при рассмотрении дела в первую очередь обращалось вни-

¹⁵ Белокуров С.А. О Посольском приказе. М., 1906. С. 38.

¹⁶ РГАДА, ф. 137, оп. 1, д. 13, л. 194, 205.

¹⁷ Национальная принадлежность указана условно. Как писал А.В. Дёмкин, «человек с одной и той же фамилией мог быть показан в источниках поданным разным государств или жителем разных городов (к примеру, Гамбурга и Любека)» (Дёмкин А.В. Западноевропейские купцы и их приказчики в России в XVII в. М., 1992. С. 4).

¹⁸ Дёмкин А.В. Западноевропейские купцы... С. 5—6; Дёмкин А.В. Западноевропейское купечество... Вып. 1. С. 26—28.

мание на наличие документального подтверждения позиции как истца, так и ответчика. Обоснованием иска чаще всего (в 101 случае) была кабальная запись. «Память», «заемная память», «заемное письмо» фигурируют в 32 делах. «Подрядная запись» и запись «за непоставленной товар» встречаются 26 раз. 20 дел были направлены против поручителей, а в 16 требовали возмещения «бесчестья» или «бою своего и увечья». Кроме того, мотивировка челобитной могла включать «закладную кабалу», «счётное торговое письмо», требовать наказания «за прием беглых» или компенсации «за провоз недоплатных денег», «за взятое питьё», «рабочных зажилых денег», «убытков и бессторжицы».

После исковой челобитной при необходимости выдавалась приставная память, которая требовалась для обеспечения обязательного прибытия в суд ответчика. Память составлялась самим истцом и выдавалась приставу, который должен был предъявить её ответчику. В качестве гарантии явки на суд ответчик представлял приставу поручную запись, которую тот сдавал в приказ не позднее следующего дня (если дело происходило в Москве), где на ней ставилась дьяческая помета. Факт получения поруки обязательно фиксировался – «по ответчике к суду в статье собрана поручная запись». Чётко следили и за соблюдением срока явки в суд – 30 дней, игнорирование которого вело к возможному проигрышу судебного дела (сроки и условия установлены «Судными статьями» 11 ноября 1685 г.)¹⁹. Присутствие на судебном разбирательстве отмечалось ставочной челобитной – «истец на срочной день к иску стал и челобитье ставочное записал». Для жителей иных городов допускалась трёхкратная неявка (после первой к ответчику направлялась уже зазывная грамота) в суд, после чего иск решался в пользу истца²⁰.

После явки всех сторон на суд начиналось заседание, на котором зачитывалась исковая челобитная и проводился опрос. Для обозначения места опроса применялась формула «в суде» (например, «ответчик в суде сказал»). От ответчика требовалось обязательное высказывание отношения к иску. Он либо соглашался с существом дела («крепости не лживил», «подряжался и запись на себя дал» – 116 случаев), либо отрицал вину («спорил», «в том иску заперлись», «тое запись лживил», «у гостя... таких денег ста рублей не занимал», «словами своими отбивался и спорил» – 109 случаев). В первом варианте он мог признать лишь часть исковой суммы. Часто ответчик утверждал, что долг он уже отдал полностью либо частично. В доказательство предъявлялась расписка («отпись») – «сказал, что денги плачены и отписи есть». Иногда ответчик по той или иной причине не мог предъявить обещанное свидетельство: «есть у них по той записи уплата, и в той уплате отписи. А отписи не положил». Из 14 обещаний предъявить подтверждающие документы их реальное наличие зафиксировано лишь в восьми случаях (причём одну бумагу судьи приказа не признали – «росписку, какову подал в суде ответчик, велено отставить, для того что та расписка иного счёту, а не того заему»). Многие ответчики утверждали, что долг ими уже уплачен, ссылаясь на честное слово истца и русское авось: «заплатил сполна, а отписи не взял, веря ему, исцу», «уплата была, а отписей в том платеже не имал», «тому письму денги исцу плачены», а «отписей в том платеже не имал, веря ево исцове душе». Апеллировали и к случайным потерям: «все денги на сроки исцу заплатил... были отписи, и те отписи пропали», а также к обстоятельствам неодолимой силы: «была в том уплата, а отписи згорели, и в том есть челобитье сына ево, ответчикова». Обращения к вере «на слово» кажутся наивными, тем более что суд в таких случаях всегда признавал ответчика виновным. И если от крестьян и тяглецов различных слобод ещё можно было ожидать подобной «веры» словам, то в случае голландского купца Франца Ти-

¹⁹ ПСЗ-І. Т. 2. № 1140. С. 659–699.

²⁰ Маньков А.Г. Законодательство и право... С. 169.

мермана это выглядит как попытка игры в «простодушие» с целью отсрочки в выплате долга. В случае признания правомерности расписки дело решалось в пользу ответчика.

При оспаривании иска фиксировались аргументы оппонировавшей стороны: «ответчик крепость в суде спорил, и сказал, что денег не занимал и кабалы исцу не давал»; «ответчик сказал, что он ево, исца, не бивал, толко отталкивал, а серег не отымал»; «он по той кабале денег на срок не заплатил для того, что закладное ево, ответчиково, платье, которое было в тех делах положено, он, истец, износил»; «истец на нем, ответчике, ищет всего на 1 350 рублей напрасно, потому что по ево, ответчикову, челобитью в ево, ответчиков, иск запечатано было толко 2 500 пуд». Процесс словесного предъявления того или иного утверждения заверялся крестоцеловальной клятвой: «И имались в том истец с ответчиком за веру. Ответчик веру взял себе на душу»; «И в том истец с ответчиком верились. И ответчик веру взял себе на душу»; «И в том ответчик веру дал исцу на душу».

При каких-либо финансовых претензиях до завершения дела от ответчика требовали поручных записей доверенных лиц («А собрана по нем была поручная запись к суду. А ручались к суду московской торговой иноземец гость Томас Кельдерман да галанские земли торговые иноземцы Кандратей Канигитер и Григорей Николаев»; «А с суда по ответчиках до вершенья того судного дела ручались»), поскольку существовала опасность, что несостоятельный должник скроется от правосудия. Сбором поручных записей занимались приставы. При записи сведений о поручителях применялась формула «и с суда по ответчике собрана поручная запись. А ручались по нем с того суда» с перечислением статуса (сословной принадлежности), имени, фамилии и отчества поручителей. Их число варьировалось от 2–3 до 10–12 человек и зависело от социального положения ответчика. Если требовались поручители за истца, проводился аналогичный процесс. Статус поручителей соответствовал статусу того, за кого поручались. Если доверенных лиц найти не удавалось, ответчика отдавали под присмотр приставов («по том ответчике поручной записи не собрано для того, что по нем никто не ручался; и отдан он был за пристава»).

После «прения» сторон и предоставления всех доказательств судебная коллегия приказа принимала решение по делу. В кратком виде формула итога выглядела так: «Истец оправлен, а ответчики обинены»; «в том иску истец обинен, а ответчик оправлен». Она дополнялась указанием на взыскание денег с проигравшей стороны с выдачей «выписи» («велено тот иск на ответчике з детми доправить, и выпись на правеж дана»). Размеры взыскания соответствовали доказанной сумме иска с прибавкой судебных пошлин. В случае отказа истцу в удовлетворении претензии или подписании мирового соглашения с него взымались обязательные платежи: «И в том иску истец с ответчиком помирились. И доправлено на исце Костянтине Петрове с приписного ево иску пошлин 64 рубли, да пересуду 7 алтын 2 денги».

Если ответчик признавался виновным, но выплату задерживал, то его при наличии какого-либо имущества ставили на правёж, который обеспечивался приставами. Срок правежа, согласно Соборному уложению, составлял один месяц за каждые 100 руб. При наличии «поруки» обвинённого отпускали из приказа; если же поручиться было некому, то его оставляли в ведении приставов. Несмотря на тяжесть «правежа», находились упорствующие, терпеливо сносившие мучение длительное время. Так, по иску грека Захария Захарьева на греков Илью Дмитриева и Анастаса Сигунтуса «по кабале товарных неотдаточных денег» (на 1 240 руб. с полтиною) виновным признали истца, с которого полагалось взять пошлины. Выпись «на правеж о пошлинах» пристав Иван Башмаков получил 5 марта 1688 г. Размер пошлин составил 124 руб. 5 коп.,

«да пересуд и правого десятка» 22 коп. Однако с 5 марта по 13 ноября 1688 г. «Захарей тех пошлин не уплатил ничего, и на правеже указыные дни отстоял»²¹.

Значительные риски несли и поручители: они отвечали в случае несостоятельности должника (или невозможности взыскать с него долг по той или иной причине) как полноценные ответчики — всеми финансами, имуществом и личной свободой. Поэтому поручители после окончания дела старались вернуть обратно свои «поручные записи». Такая возможность появлялась после подписания тяжущимися сторонами мировой челобитной. Выдача «поручной записи» производилась по личной челобитной поручителя («И по их поручникову челобитную та их поручная запись им выдана, а в деле толко один список для ведома»).

Если у ответчика отсутствовала возможность выплатить долг, его отдавали истцу «взажив головою», т.е. отправляли в услужение до полной отработки долга. Аналогично поступали и при неудачном правеже: «За тот иск тех ответчиков по Уложению велено отдать взажив головою... с правежу ничего в тот исцов иск не заплатили». Срок передачи во временное «холопство» зависел от размеров долга. Согласно Соборному уложению, за год должник мужского пола отработывал 5 руб., женщина — 2,5 руб. При передаче «взажив» с истца брали «поручную запись». По отработке долга должника требовалось вернуть в приказ: «Как тот ответчик урочные годы у него выживет, и ему поставить в Посолской приказ».

Судное дело завершалось подписанием итогового документа. В большинстве случаев им являлась мировая челобитная, которую истец или истец с ответчиком вместе должны были обязательно представить в приказ. Так, 12 апреля 1676 г. «истец Больших Лужников тяглец Максимко Иванов с теми поручниками с Федором Щечкою и с Степаном помирились и принесли к делу мировую челобитную». Урегулирование финансовых проблем между участниками процесса называлось «розделкой»²².

Иногда, даже при отсутствии завершающего акта, давалась роспись положенных пошлин со ссылкой на Соборное уложение. Размер пошлины определялся величиной иска и составлял 10% от его суммы. Судебные издержки («с суда, пересуда²³ и правого десятка²⁴») являлись фиксированными — 7 алтын и 2 деньги (22 копейки). Для получения этого долга тоже могли составить выпись («доправить великого государя по Уложению, всего сорок рублей семь алтын две денги. И выпись на правеж в тех пошлинах дана Посолского приказу приставу Ивану Башмакову сентября в 18 день за приписью дьяка Василья Посникова»).

Ответчиками могли выступать наследники или родственники должников (в случае смерти последних). Иск могли взыскать и с братьев, которые в получении займа не участвовали, но жили с покойным вместе, т.е. владели совместным имуществом. 31 января 1672 г. по помете дьяка Якова Поздышева велено деньги доправить на ответчике Микифоре «для того, что они з заимщиком з братом своим жили не в розделке и животами владеют они»²⁵. Иногда ответчик

²¹ РГАДА, ф. 137, оп. 1, д. 13, л. 97–97 об.

²² Там же, л. 5, 116 об.

²³ Под термином «пересуд» применительно к судебным пошлинам во второй половине XVII в., скорее всего, подразумевалась пошлина за сам суд, а не за пересмотр дела, как указано в «Словаре русского языка» (Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 14. М., 1988. С. 295). При подведении итогов дела, сразу решённого в пользу ответчика, взяли стандартную пошлину в 10% и обычные 22 копейки «за пересуд и правой десяток», хотя никакого пересуда не было (РГАДА, ф. 137, оп. 1, д. 13, л. 97 об.).

²⁴ Иногда упоминаются лишь сами пошлины (10%) и «пересуд» в 7 алтын 2 деньги, без «правого десятка».

²⁵ РГАДА, ф. 137, оп. 1, д. 13, л. 8 об.

(или его наследники) оплачивал лишь государственные пошлины, продолжая игнорировать основной иск.

Общий срок рассмотрения исковых челобитных зависел от многих обстоятельств и варьировался от 1–4 дней²⁶ до нескольких месяцев. По 18 делам принятие решения произошло в срок меньше месяца; в 12 случаях – от 1 до 2 месяцев, в 24 – от 3 до 6,5 месяцев, в 16 – от 7 месяцев до года, в 6 – от года до четырёх лет, в 4 – более четырёх лет. Два разбирательства длились дольше десятилетия, но в обоих вариантах фигурировали уже другие ответчики. Окончательное завершение дела – исполнение приговора – могло длиться от двух недель до нескольких десятков лет. Самое быстрое финансовое дело заняло 16 дней от подачи иска до приноса мировых. Самое медленное длилось несколько десятилетий²⁷.

Проведённый анализ позволяет прийти к нескольким выводам о судебной деятельности Посольского приказа. Во-первых, все судебные процедуры проводились в соответствии с писаным правом (Соборным уложением и новоуказными статьями). Однако различные процессуальные тонкости и определение финансовых выплат могли регулироваться обычаем или прецедентом. Во-вторых, с большой долей вероятности можно полагать, что судные дела ведомства находились в ведении одного подьячего. Дела могли начинаться в разных повьятах, но затем обязательно передавались служащему, отвечавшему за данный функционал. В-третьих, осуществление развёрнутого судопроизводства свидетельствует о значительном объёме выполняемых Посольским приказом «непрямых» функций, развитости навыков работы его служащих в разрешении судебных конфликтов. Всё это подтверждает необходимость дальнейшего изучения различных практик, использовавшихся российским внешнеполитическим ведомством в XVII в., выявления их связи с законодательной системой государства. Перспективным представляется анализ потенциала прецедентно-казусной системы правоповедения, отказ от которой произошёл в ходе петровских реформ.

---

²⁶ Судное дело голландского купца Игнатъя Христофорова сына Энебранта на кадашевца Евсевья Родионова сына Курдюкова за «взятое питье за церковное» началось 10 декабря 1687 г.; уже 12 декабря по помете дьяка Ивана Волкова «велено тот иск на нем, ответчике, доправить». Окончательный итог подвели 28 апреля 1693 г., когда «истец принес к тому делу мировую челобитную, что тот ево иск заплатили ему жена того ответчика Ирина Григорьева дочь да сын ево Илья Кордюков» (Там же, л. 21–21 об.).

²⁷ Судное дело жильца Ивана Бухарова (вместо которого стал дьяк Андреян Яковлев) на подьячих Посольского и Малороссийского приказов Григория и Семёна Протопоповых, обвинённых в «воровском» приезде в деревню истца Костромино Дмитровского уезда, избении и ограблении местных крестьян. Дело началось 17 августа 1667 г., к 1695 г. оно так и осталось незавершённым.